

* * *

Над крапивой глухой, над остатками бывшей усадьбы
Засвистал да защёлкал из мглистых кустов соловей.
Расточительно-щедро гремят соловьиные свадьбы
Над моею землёй, над огромной печалью моей –

Над бурьяном полей, над безбожьем и над бездорожьем,
Над загубленным лесом и мёртвой деревней пустой,
Над великою правдой и над беззастенчивой ложью,
Над безумным богатством, усталостью и нищетой,

Над безмерным талантом людским и бездарностью власти,
Над задумчивой вечностью и суетливостью дней...
Над землёй, как над бездной, поёт соловьиное счастье,
Чистым голосом жизни, бесстрашно взывающим к ней.

* * *

Он притворялся, что ему нужны
Работа, дом... Он из глубин вины
Привык смотреть на жизнь. И, вероятно,
Он мог бы стать со временем вполне
Своим среди своих, когда бы не
Дорога – на работу и обратно.

Обрывки фраз, мельканье лиц и рук,
Печаль метро, колёсный перестук,
Троллейбусные вздохи, звон трамвая,
Их маски – арлекинов и пьеро,
В один маршрут – в привычное зеро
Смыкает вывозящая кривая.

Но путь, его дыханием живой,
Дрожит готовой к бою тетивой,
Ломается в окне пейзаж нерезкий.
В его кармане – муляжи ключей.
Он никому не должен. Он – ничей
На бесконечном в глубину отрезке.

И вот, себе отсрочку отмолив,
Он ощущает времени отлив
От суетливых, но привычных буден,
И так свободно отплывает сам,
Коллегам, домочадцам и друзьям
Не то чтоб вовсе чужд, но – неподсуден.

* * *

Едва очнёшься, а уже – зима:
Бесснежный холод, как заточка, острый
Покалывает вмёрзший в реку остров,
И ангелов, и тёмные дома.

Морозный ветер обрывает сны,
Грохочет жестью, лязгает засовом.
Имперские орлы, химеры, совы
Так беззащитны и обнажены.

И ты на остановке поутру
Торчишь мишенью чёткой и печальной,
Автобуса, как милости случайной,
Ждёшь – не дождёшься, куришь на ветру.

И жизнь, того гляди, перетечёт
В увядших листьев шорох невесомый,
В поспешные шаги и метронома
Размеренно-неумолимый счёт.

СКРИПАЧ

Памяти Муси Пинкензона

Вздрогнула скрипка у мальчишеского плеча.
Офицер, прищурившись, смотрит на скрипача.
Офицер доволен: расстрел обещает быть
Даже забавным... Он успеет убить.
... О, в этих скрипках всегда такая печаль...
Он позволит музыке прозвучать.

Мальчик, не медли, сыграй что-нибудь! Поспеши!
Ну же, сыграй для сентиментальной души –
Что-нибудь нежное для немецкой души...
Он же сказал:
Понравится – будешь жить.

Что ты можешь, мальчишка, – маленький, как сверчок!..
К подбородку взлетает скрипка, к небу – смычок.
Самое главное – не опускать лица:
Мёртвых не видеть – матери и отца.

Ну же, сыграй ноктюрн, не сходи с ума.
Но горячей молитвы, мощней псалма
Словно взрывает пространство перед тобой:
... это есть наш последний
и решительный
бой!..

Это есть наш последний бой, наш последний – на землю – взгляд.
Дёргается в конвульсиях автомат,
Хриплым лаем захлёбывается другой.
... это есть наш последний и решительный бой!..

Это есть наш последний – разорванной грудью – вдох.
Он так глубок, что в него умещается Бог –
Бог, так похожий на твоего отца.
Смерти нет.
Есть музыка –
без конца.

* * *

Не понимая, как ведётся игра,
Путаясь, выламываясь за пределы,
Я исчезаю. Ты говоришь: «Хандра!»
Ты, вероятно, прав... Но не в этом дело.

Если ж не в этом, то чёрт его знает – в чём:
То ли входная дверь прогремела цепью.
То ли стена оскалилась кирпичом,
То ли сквозняк вздохнул, и запахло степью –

Кожею сыромятной, сухой травой,
Горьким дымом, конским тревожным потом...
То ли время дрогнуло тетивой,
То ли птенец вскрикнул перед полётом.

И за этим птичьим «была – не была!»,
За едва-едва ощутимой дрожью
Времени, или треснувшего стекла
Каждый раз оживает одно и то же:

Близко и так мучительно-далеко –
(Вот оно, вот оно вьётся в пыли дорожной)
Неуловимое то, с чем идти легко,
С чем оставаться здесь никак невозможно.

* * *

Он сорвался с цепи, и пробегал всю ночь, а к утру
В неприкаянном ужасе, странно-глухом и невнятном
Заскулил, заметался, но вспомнил свою конуру,
И с поджатым хвостом потрусил виновато обратно.

Кто придумал красивую фразу: «Свобода иль смерть!»?
Кто сказал вообще, что есть выбор подобного рода?
Расшибая хмельную башку о небесную твердь,
Неразлучно со смертью гуляет земная свобода.

Бесприютен желанный простор. И чем больше луна,
Тем теснее внутри – в средостении тёплом и тёмном,
В закоморожке сердца... Но так беззащитна спина
У того, кто бредёт одиночеством этим огромным.